Элитарность или демократичность?

Насущные вопросы философского образования

Система социально-гуманитарного образования в нашей стране претерпевает значимые изменения, направленные на оптимизацию содержания и приближение к потребностям реальной жизни. Особое место в этой системе занимает философское образование, рассматриваемое широко и не сводимое лишь к подготовке соответствующих специалистов. Речь идет об освоении одной из общеобразовательных дисциплин, которая вобрала в себя достижения многовековых исследований, относящихся к теоретической, понятийно-логической форме мировоззрения.

Михаил ВИШНЕВСКИЙ, доктор философских наук, профессор

Мировоззрение мы будем понимать как совокупность основополагающих убеждений, направляющих наши мысли и действия, относительно окружающей действительности и места человека в ней. Наличие у человека таких убеждений и их практическая действенность свидетельствуют о том, что его бытие является осмысленным, имеющим достаточно отчетливые ориентиры.

Процесс формирования мировоззрения охватывает всю нашу сознательную жизнь. Он протекает во многом спонтанно и едва ли может быть исчерпывающим образом рационализирован, методически спланирован и строго последовательно осуществлен. Один из важных внутренних побудителей и регуляторов данного процесса – это интерес человека к предлагаемым ему обстоятельствами или какими-то людьми материалам, предназначенным для усвоения в целях мировоззренческого развития. Поставщиками таких материалов могут быть, в частности, преподаватели, авторы учебников, других информационных образовательных ресурсов. Если подобной заинтересованности не возникает, или, хуже того, вместо нее появляется отторжение, то мировоззренческая эффективность базирующейся на их использовании образовательной деятельности оказывается, мягко говоря, низкой.

Философское образование выступает как приобщение к теоретико-мировоззренческим учениям и идеям, составляющим в совокупности то, что принято называть философскими знаниями. Каждое философское учение выражает особенности мировоззренческой позиции его создателя. Предполагается, что новое учение создается для того, чтобы прояснить некие мировоззренческие сущности, на которые прежде не обращали должного внимания или даже допускали их превратное толкование. Случается, целостности и завершенности вырабатываемому учению, по мнению взыскательных критиков, недостает до самого конца творческого пути того или иного

ОБ АВТОРЕ

ВИШНЕВСКИЙ Михаил Иванович.

Родился в 1949 году в д. Семков Городок Минского района. В 1971 году окончил Белгосуниверситет.

До июня 1979 года работал на кафедре философии естественных факультетов Белгосуниверситета; с июля 1979 года – на кафедре философии Могилевского пединститута (с 1997 года – университет) имени А.А. Кулешова. С 1982 года – заведующий кафедрой, с 1995 года – проректор по учебной работе, проректор по научной работе, с 2001 года – первый проректор Могилевского университета имени А.А. Кулешова.

Доктор философских наук (2001), профессор (2003).

Автор более 200 научных и научно-методических публикаций, в том числе трех монографий, ряда учебных пособий для студентов вузов, руководил подготовкой и является одним из авторов цикла школьных учебников по обществоведению.

Сфера научных интересов: философия образования, социальная философия.

мыслителя, что вовсе не перечеркивает значимость всех опубликованных им или каким-то иным путем ставших известными фрагментов.

Каждый читатель философских произведений может на свой лад истолковать предложенные суждения. Выводы, извлекаемые им из этих произведений, во многом вытекают из особенностей его жизненной позиции, имеющегося опыта и, вместе с тем, дают новое освещение и развитие его ценностной ориентации. Философское образование в идеале непосредственно направлено на более отчетливое, продуманное и глубокое мировоззренческое самоопределение личности, на уяснение собственных бытийных смыслов и базовых жизненных ценностей. Но это в идеале. Реальность же такова, что в современной социально-культурной среде классическая философия с ее строгими универсалистскими концептуальными построениями, внешне весьма далекими от повседневного жизненного опыта и круга житейских забот подавляющего большинства людей, представляется им чем-то очень странным, неинтересным и даже архаичным.

Все мы учились в школе, многие из нас получили специальное образование, в том числе и высшее, поэтому определенное, пусть даже весьма беглое знакомство с философией у большинства обычно присутствует. К сожалению, как правило, это приобщение к азам философии не вызывает глубокого, искреннего интереса к ней, равно как и убеждения в ее жизненной значимости и стремления продолжить философское образование.

Было время, когда лекции, а также книги Канта или Гегеля, при всей их изощренной сложности, становились весьма важными событиями в культурной жизни не только соответствующего университетского города, но и всей Германии, даже целой Европы. Сегодня такое трудно себе представить. Дело даже не в том, что за последние столетия чрезвычайно вырос общественный фонд самой разнообразной информации, доступной широкому кругу потребителей, и в нем имеется немало различных по степени сложности философских понятийно-логических конструкций. Скорее, именно сложность и абстрактность таких конструкций, непривычность их понятийного аппарата и общего хода мыслей профессиональных философов разочаровывает и отпугивает подавляющее большинство современных читателей.

Они привыкли к тому, что в Интернете имеется вся необходимая для самых разных случаев жизни информация, притом компактная, удобная для использования и не требующая особых интеллектуальных усилий для ее усвоения. Мысли и образы расфасованы на мелкие порции, наподобие жареных орешков. Длинные рассуждения кажутся в данных условиях неуместными, утомительными и даже в чем-то подозрительными. В памятном всем нам прошлом пространные наукообразные рассуждения об основах бытия человека и общества, претендовавшие на неоспоримую истинность, нередко вели к далеко не безобидным практическим выводам и последствиям. Кредит доверия к великим философским учениям и идеологическим системам прошлого во многом утрачен. Предельно широко и шокирующе резко об этом заявлено в «Поздних мыслях» Карла Густава Юнга: «Всякая форма хронического отравления есть зло – безразлично, идет ли речь об алкоголе, морфии или идеале» *[1, с. 273]*.

Современное информационное пространство наполнено стремительно сменяющими друг друга сенсациями, оформленными в виде клипов. Нынешний потребитель информации готов допустить, что коротенькие мысли и быстро сменяющие друг друга яркие картинки содержат немало лжи, но он знает также, что одна такая мелкая ложь вскоре перечеркивается другой. В общем их потоке, где все мелькает, как в калейдоскопе, стало принято искать прежде всего оригинальность и занятность – глубина и правдивость все больше отходят на второй план. Подобная информационная вермишель или, может быть, «лапша на уши», вне всяких сомнений, имеет значительное влияние на мировоззрение людей, которое само становится клиповым и перегруженным штампами. Но наш разговор о философии, ее месте в жизни современников и в культуре в целом.

Культуротворческая миссия философии во многом связана с тем, что, переводя в отчетливые мысли свое понимание окружающего мира, а также своеобразия и места человека в нем, философ оформляет в понятиях и делает ясно выраженным

смысложизненное содержание, которое отчасти уже носилось в воздухе, заботило и тревожило многих. Знакомясь с его концептуальными построениями, люди могут по-новому взглянуть на окружающий мир и самих себя, лучше понять свою жизнь, ее коллизии. При этом все они неодинаковы и по социокультурной принадлежности, и по психологическим типам, что сказывается на их мировосприятии и миропонимании. Философские учения тоже весьма несходны по основополагающим посылкам, общей направленности, составу разрабатываемых проблем. Иными словами, в философии тоже можно усмотреть своего рода калейдоскопичность или, точнее, мозаичность, вызванную тем, что единого обязательного для всех философского мировоззрения нет и, судя по всему, не может быть.

Но было бы совершенно ошибочным ставить элементы этой мозаики в один ряд с теми клипами и клише, которыми переполнены современные средства массовой информации. За внешней несовместимостью разнообразных философских позиций опытный взгляд специалиста без труда устанавливает их глубинную общность, состоящую в том, что они как бы дополняют друг друга до искомой, хотя и трудноосуществимой целостности. Обстоятельное изучение философии как определенного единства в многообразии способно расширить наш кругозор, помочь более эффективно адаптироваться в меняющихся жизненных обстоятельствах, осмысливать пути дальнейшего развития.

Все эти глубинные бытийные смыслы надо еще суметь разглядеть, постичь в весьма непростых для понимания философских текстах, написанных, как правило, сложным языком и зачастую весьма абстрактных. Это и побуждает некоторых людей утверждать, будто философия элитарна, то есть предназначена для избранных и не должна быть обязательным учебным предметом. Тем самым предполагается, что для большинства людей философия просто не нужна или бесполезна: своими делами они могут успешно заниматься и без нее.

Нужно, однако, уточнить, о какой пользе идет речь. Осваивать и, соответственно, знать что-либо можно как «для дела», так и «для души». Разница между тем и другим вполне понятна для взрослого человека, который не отождествляет себя со всяким делом, которым ему приходится заниматься. Некоторые обязанности могут быть близкими нам по духу, выражающими нашу собственную сущность; другие, наоборот, безразличными или даже чуждыми и неприятными, тем не менее по той или иной причине их необходимо выполнять, приобретая для этого определенные знания и умения. Может быть, здесь имеет место не одно лишь внешнее принуждение, а и собственное заключение о целесообразности, но только такой, которая не затрагивает наше «Я».

Заниматься чем-либо «для души» означает действовать бескорыстно в смысле внешней выгоды – занятие здесь важно или интересно само по себе. При этом оказывается, что самоценность занятия побуждает нас стремиться к достижению возможно большей полноты и совершенства знания и соответствующего умения (хотя бы просто потому, что нам это интересно), тогда как внешняя полезность может и не требовать подобной обстоятельности и серьезности. Нужное для дела можно узнать из справочников, и его часто не обязательно запоминать, если источники информации доступны и удобны в употреблении. Нужное «для души» остается в памяти надолго и вспоминается с удовольствием. Виктор Франкл отмечал в связи с этим, что потребность толкает нас, вынуждает к определенным действиям, тогда как ценности, высшие смыслы, наоборот, притягивают, влекут к себе без всякого принуждения *[2, с. 63, 82]*.

ГДЕ КУПИТЬ ЖУРНАЛ?

ЖУРНАЛ «БЕЛАРУСКАЯ ДУМКА» ПРОДАЕТСЯ

Минск

Брестская область: Барановичи, Брест, Пинск

Витебская область: Бегомль, Витебск, Глубокое, Городок, Докшицы, Лепель, Орша, Полоцк, Поставы

Гомельская область: Гомель, Житковичи, Жлобин, Калинковичи, Мозырь, Речица, Рогачев, Светлогорск

Гродненская область: Гродно, Кореличи, Новогрудок

Минская область: Борисов, Молодечно, Слуцк, Солигорск

Могилевская область: Бобруйск, Глуск, Горки, Кировск, Могилев, Осиповичи, Чериков, Шклов

Если речь идет об изучении философии, то доминирование в его обосновании соображений внешней полезности действительно делает надобность философских знаний для широкого круга людей во многом проблематичной. Но если удается достичь принятия человеком философии как своего личного дела, понимания ее незаменимости с точки зрения саморазвития, тогда отношение к ней радикально преобразуется, и она становится нужной и интересной, как нужны стихи человеку, любящему поэзию, или как запоминается и легко вспоминается понравившаяся нам мелодия. Может быть, в отношении философии ключевыми являются не одни лишь эстетические мотивы, а скорее ощущения интеллектуальной силы и потенциальной плодотворности. В любом случае здесь можно говорить о признании ее самоценной и в этом смысле допускающей также и разнообразную полезность, которую, однако, трудно наперед рассчитать и скалькулировать.

Бертран Рассел отмечал, что философия, как он ее понимает, является чем-то промежуточным между теологией и наукой. Подобно теологии, она состоит в рассуждениях по поводу предметов, относительно которых у нас нет точного знания, но, подобно науке, она взывает к разуму, а не авторитету и вере *[3, с. 19–21]*. Между точно установленными фактами и догматической верой располагается та область, в которой осуществляется философский поиск истины бытия. Философия способна идти впереди науки, как бы освещая ей путь. Есть немало примеров того, как гениальные прозрения философов по существу направляли развитие научного исследования. Но дело не только в полезности философии для науки – будучи понятийно-логической формой мировоззрения, она также помогает устанавливать тесные связи между всеми областями культуры. Широта и разноплановость философских понятий позволяет использовать их и в научном исследовании, и в осмыслении религиозного опыта, и в постижении таинственной силы искусства, и в разработке программ экономических и социально-политических преобразований.

Многоликость философии и удивительный демократизм ее внутренней жизни, позволяющий мирно уживаться старому и новому, беречь традиции и одновременно стремиться к их преобразованию, способны служить примером того, как сочетать информационный хаос с упорядоченностью мышления. В бурных потоках разнообразной информации наши мысли часто дробятся и мельчают, становятся коротенькими и бессвязными. Приобщение к философии помогает приобрести опыт конструктивного соединения противоположностей, выстраивания из разнообразных фрагментов приемлемого для практики образа развивающейся мировой целостности, в которой мы, люди, являемся соучастниками творческого процесса.

Философию, как и некоторые другие явления духовной жизни общества, отличает далеко простирающийся консерватизм. Мы ведь не сводим, например, художественную литературу только к совокупности произведений, созданных в последние годы или даже десятилетия: счет в ней идет на века и тысячелетия. То же самое и в философии, в которой преходящая интеллектуальная мода или своеобразные творческие паузы вовсе не ставят под сомнение авторитет классического наследия. Новое в философии оказывается, как правило, современным переосмыслением давно уже существовавших или разрабатывавшихся воззрений, относящихся к фундаментальным и поистине вечным мировоззренческим проблемам.

Очевидно, что мировоззренческие вопросы возникают перед отдельным человеком, группой людей или обществом в целом в процессе их реальной жизни. Весьма показателен тот факт, что маленькие дети приступают к постановке таких вопросов практически сразу, как только они начинают уверенно говорить и рассуждать. Оно и понятно: их жизненный опыт пока еще невелик, и пополнение его должно сопровождаться постоянным упорядочением. Постигая мир, ребенок стремится выстроить доступную его пониманию общую картину этого мира и вписать в нее самого себя.

Все последующие этапы развития человека как личности включают соответствующие мировоззренческие размышления. Нет надобности доказывать, насколько подобные темы важны для учащейся молодежи. А коль скоро это так, то и освоение философских знаний необходимо осуществлять в неразрывном единстве с естественным для молодого поколения мировоззренче-

ским вопрошанием, осуществляемым в том числе (и прежде всего) на языке повседневности. Но как же тогда быть с великими философскими учениями, со сложным категориальным аппаратом философии? Как сделать их интересными для современного студента или даже школьника? От чего здесь нужно отталкиваться и на что опираться? Эти проблемы носят отнюдь не только методический характер.

Прежде всего, необходимо учесть, что на школьников и студентов тоже распространяется известная классификация психологических типов, разработанная Юнгом. Она вовсе не сводится к различению экстравертов и интровертов, а учитывает также наличие в человеческой психике целого ряда основных функций, среди которых Юнг особо выделяет мышление, чувство, ощущение и интуицию *[4, с. 33]*. Преобладание одной из этих функций дает разные результаты для экстравертов и интровертов, существенно сказываясь на познавательных и иных интересах личности. Одни люди тяготеют к общим идеям, стремятся найти формулировки универсальных законов, подчиняющих себе множество частностей; другие, наоборот, увлечены конкретными свойствами вещей и не доверяют поспешным обобщениям и абстрактным рассуждениям. Мыслительный тип личности противоположен чувственно-эмоциональному, ощущающий – интуитивному. Наше время как бы навязывает преимущественный интерес к внешним, вещным, материальным сторонам бытия, но это давление по-разному сказывается на людях в зависимости от их основных психологических характеристик. В каждом школьном классе, в каждой студенческой группе мы встречаемся с представителями разных психологических типов. Интересное для одних будет неинтересным, непривлекательным или неубедительным для других.

Как уже отмечалось, барьеры на пути освоения материалов философии связаны у молодых людей отчасти с разрывом между языком их общения и мировосприятия с одной стороны, и языком философских текстов – с другой. Способы преодоления или хотя бы ослабления данных барьеров могут быть разными. Во-первых, можно опереться на то, что уже в какой-то степени усвоено учащимися, понято ими – прежде всего, это материалы всеобщей истории. Скажем, школьники изучали историю Древней Греции и в основном уяснили те ее духовные достижения, которые оказали самое большое влияние на последующее развитие культуры человечества. Соответственно, при построении курса философии можно особо выделить именно те учения древнегреческих мыслителей, которые подкрепляются в данном отношении межпредметными связями.

Очень важно избегать обезличенности философских концепций и идей. Она возникает, когда на головы учащихся обрушивают целые списки незнакомых им имен. К такому же результату приводит выдергивание из работ основоположников отдельных положений и цитат и жонглирование ими вне связи с целостным замыслом их учений. Как бы мало времени ни отводилось на изучение курса философии, содержание его необходимо все же представить именно в виде последовательности учений, а не набора случайных фрагментов. В противном случае мы получим нечто среднее между цитатником и сборником анекдотов, а это уже не философия.

Сказанное здесь вовсе не противоречит требованию о максимальной доступности формы изложения содержания философских учений для современной учащейся молодежи. Понятийный аппарат, оформляющий эти учения, тоже нужно адаптировать к современным социокультурным обстоятельствам. Если этого не удается достичь, значит, изучение соответствующих вопросов следует отложить до лучших времен, когда будут найдены адекватные способы подачи материала. Цена ошибки здесь – либо бесполезная трата времени, либо результат, противоположный добрым намерениям неумелых преподавателей, а речь ведь идет о мировоззренческом развитии молодого поколения, которому принадлежит будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юнг, К.Г. Феномен духа в искусстве и науке / К.Г. Юнг. – М.: Ренессанс, 1992. – 320 с.
2. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М: Прогресс, 1990. – 368 с.
3. Рассел, Б. История западной философии и ее связь с политическими и социальными условиями от античности до наших дней / Б. Рассел. – Новосибирск: Сиб. Унив. изд-во; Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. – 992 с.
4. Юнг, К.-Г. Психологические типы / К.-Г. Юнг. – М.: Университетская книга, АСТ, 1996. – 716 с.